

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Реальность, между нейрофизиологией и метапсихологией

Вассилис Капсамбелис

(Пер. с фр., науч. ред.: А. В. Стукало)

Вассилис Капсамбелис – психиатр, психоаналитик, титулярный член Парижского психоаналитического общества, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13-го округа Парижа, экс-директор Центра психоанализа и психотерапии имени Эвелин и Жана Кестемберг, главный редактор журнала La Revue Française de Psychanalyse, автор многочисленных работ, в том числе о психотическом и пограничном функционировании.

В данной статье автор глубоко осмысляет понятие реальности в метапсихологическом смысле, основываясь на последовательном и изящном анализе данного понятия в работах Фрейда, изначально нейрофизиолога, определяя реальность как перцептивную активность и ее продукты, объект и, наконец, желание другого. Ключевые слова: реальность, мнестический след, восприятие, галлюцинация, репрезентация, психический аппарат, объект влечения, анимизм, интенциональность, желание другого.

«Реальность не имеет противоположного, все, что происходит в человеческом опыте, является реальностью».
М. Мбугар Сарр. «Самая тайная память человека»¹

---

¹ Здесь и далее курсив сохранен как в оригинальном тексте. Прим. пер.

«Асоциальная природа невроза проистекает из его наиболее первоначального стремления – бегства от неудовлетворительной реальности в воображаемый мир, более наполненный удовольствиями. В этом реальном мире, которого избегают невротики, господствуют общество людей и институты, которые они создали сообща; отдалиться от реальности – значит в то же время покинуть человеческую реальность».

З. Фрейд. «Тотем и табу»²

Читая Фрейда, мы можем быть удивлены тем, что термин «реальность» очень часто встречается в его трудах, никогда не находя определения. Это тот случай, когда он определяет психическую реальность в сопоставлении с «внешней реальностью», для которой он также использует выражения «наружный» или «внешний мир». То же самое происходит и тогда, когда он, говоря о психозах, применяет подход, наиболее общепринятый в психиатрии его времени, как и сегодня, а именно что эти патологии характеризуются отдалением от реальности, разрывом с реальностью или ее отрицанием. Это, наконец, тот случай, когда «реальность» приобретает статус, близкий к психической инстанции, например в «Я и Оно», где речь идет об этом «бедном я [которое] служит трем суровым господам, стремясь к согласию между их требованиями и потребностями», «трем деспотам», которыми являются «внешний мир, Сверх-Я и Оно» (Freud, 1923b).

Восприятие и инвестирование

Можно было бы предположить, что это отсутствие определения, использование термина «реальность» как чего-то очевидного не должно быть чуждым обучению Фрейда в научном контексте второй половины XIX века. Он знаком с работами некоторых физиков своего времени и, естественно, придерживается характерного для них материализма (в смысле их противоположности идеализму), а именно того, что то, что мы называем «реальностью», решительно является сущностью, существующей независимо от человеческого разума.

С этой точки зрения первым определением реальности у Фрейда было бы: перцептивная активность и ее продукты.

Но Фрейд, с его прочной культурой нейрофизиолога, считает, что «реальность» не может быть доступна в своей целостности, потому что она уже зависит от спектра восприятия, которым мы располагаем и который различается от одного вида животных к другому. Мы видим не то же

---

² Перевод эпиграфа из оригинальной статьи с французского мой. В классическом переводе М. Вульфа данный отрывок звучит так: «Генетически асоциальная природа невроза вытекает из его первоначального устремления из неудовлетворенной реальности в более приятный мир фантазии. В этом реальном мире, которого невротик избегает, господствует общество людей и созданные ими институты; уход от реальности является одновременно и выходом из человеческого сообщества». З. Фрейд. Я и Оно. Кн. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. Прим. пер.

самое, что лягушка или муха, у нас нет того же спектра звуковых частот, что у летучей мыши или дельфина, у нас нет обонятельного диапазона собак или кошек. «На данный момент мы пытаемся максимально увеличить способность наших органов чувств реализовывать свои действия искусственными средствами, но мы должны ожидать, что все эти усилия никак не поменяют конечный результат. Реальность всегда останется "непознаваемой"» (*Freud, 1940b [1938]*). Поэтому, когда Фрейд говорит о «реальности», он не может иметь в виду «объективное» или «полное» ее принятие, а только те аспекты реальности, которыми субъект тем или иным образом оказывается затронут; мы увидим позже, в чем состоит эта «затронутость».

С другой стороны, и все еще как нейрофизиолог, Фрейд, по-видимому, считает, что в пределах спектра чувствительности наших органов чувств восприятие непрерывно оставляет следы памяти, которые накапливаются в многочисленных и сложных системах памяти, незначительная часть которых предназначена стать воспоминанием и вернуться в сознание. Эта идея в достаточной степени присутствует в первой части его трудов, где он также говорит о мозге. Например, в тексте об экранных воспоминаниях он различает воспоминание и след: «искаженное воспоминание – первое, что мы осознаем; материал мнестических следов ["первичный материал", в английском переводе], из которого оно было выковано, остался неизвестным в своем первоначальном виде» (*Freud, 1899a*). Мы находим здесь идею, которую Фрейд несколько раз выражал словосочетанием «невывесненное несознательное» (*Freud, 1923b*), которое используется то в описательном смысле того, что не является сознательным, тем не менее без входа в динамическую систему, описанную в первой топике, то для обозначения элементов, действующих без прохождения через вербальные репрезентации, главным образом вокруг отреагирования (*agieren*) – и именно этот аспект, как и следовало бы ожидать, лучше всего изучен психоаналитиками. Однако в письме Флиссу от 6 декабря 1896 года мы находим понятие «первичной записи восприятий» (*Freud, 1950c [1895]*), неспособной к осознанию и тем не менее не являющейся или еще не являющейся частью вторичной записи, которая единственная характеризует несознательное.

Метафора «волшебного блокнота»³, несмотря на присущие любой механистической модели применительно к живой материи несовершенства, здесь очень поучительна. Фрейд хочет сделать очевидным тот факт, что все, что проходит через систему восприятие – сознание, действительно где-то сохраняется (в «мнестических системах» (*Freud, 1925a*), пишет он), будучи недоступным немедленно; тем не менее соответствующее освещение позволяет найти «устойчивый отпечаток» написанного на восковой поверхности.

---

³ В русскоязычной психоаналитической литературе встречаются термины: вечный блокнот, чудо-блокнот. Прим. пер.

Однако создается впечатление, что в описываемой им модели сливаются два понятия: память и воспоминание. Я, со своей стороны, думаю, что память *stricto sensu* не является объектом психоанализа; она достаточно хорошо изучена нейрофизиологией и нейронауками. Психоанализ – о воспоминании, припоминании, реминисценции, оживлении, *agieren*, галлюцинаторном проявлении совершенно переработанных ощущений, если хотите, но во всех случаях он предполагает двойное движение: восприятие в определенный момент, которое оставило след, затем актуализация этого восприятия в той или иной форме по тем или иным причинам, но всегда исходя из нынешней конфликтности психической жизни.

Впрочем, мне кажется, что текст о волшебном блокноте содержит в себе интуицию этого различия, как, впрочем, и текст об экранном воспоминании. Действительно, Фрейд отмечает, что наш аппарат, подобно волшебному блокноту, «способен безгранично воспринимать все новые и новые ощущения и при этом оставляет стойкие, *хотя и не неизменяющиеся*, мнестические следы⁴» (Freud, 1925a). «Хотя и не неизменяющиеся», действительно; но является ли это разницей между волшебным блокнотом и нашей психической системой, пределом используемой метафоры или, скорее всего, разницей между *нервной* системой памяти и *психической* системой воспоминаний? Память, как записная поверхность волшебного блокнота, существует здесь с «неизменяющимися» записями, которые бесконечно накладываются друг на друга, выстраиваются и сочетаются, согласно законам, которые нейронауки продолжают изучать. Но работа припоминания, воспоминания, реминисценции – это совершенно другая операция, операция отбора и трансформации, так как это зависит от инвестирования, а это инвестирование, всегда определяемое «затронутостью», о которой только что говорилось, распоряжается существующими мнестическими следами более или менее на свое усмотрение и согласно своим гедонистическим или защитным потребностям.

Таким образом и независимо от определенного вопроса мнестического следа пережитого, которое не было переработано в воспоминание и которое порождает реминисценции или даже оживления, которые наиболее близки к ощущениям, чем к повествованию, даже которое манифестирует в форме *agieren*, движение, посредством которого психический аппарат прогрессивно выходит из центральной нервной системы, достаточно хорошо описано в «Проекте психологии» (Freud, 1950c [1895]). Среди массы перцептивных случаев, зарегистрированных и хранящихся в мнестических системах в соответствии с модальностями, специфичными церебральному функционированию каждого вида, какие-то выделяются тем, что они связаны с опытами удовлетворения. Когда вновь возникает та или иная потребность, эти следы естественным путем будут инвестированы первыми. Будучи нейрофизиологом, Фрейд приходит к выводу, что любое инвестирование мнестического следа логически ведет к его оживлению, соответственно, к галлюцинации (мы можем, например,

⁴ Это я, кто выделил. Прим. авт.

вызывать видения, стимулируя соответствующую зону коры когда-то введением очень тонких электродов, сейчас транскраниальной магнитной стимуляцией). Будучи метапсихологом, Фрейд считает, что это соединение восприятия, актуального или уже зарегистрированного, и галлюцинации приводит к *новому* образованию: ментальной репрезентации, на самом деле речь идет о *новой* системе организма, психической системе или психическом аппарате, *отличном* от нервной системы.

Именно по этой причине, чем дальше продвигается его работа, тем больше Фрейд отдаляется от мозга и от центральной нервной системы (эти термины намного меньше присутствуют во второй части его трудов). Однако он по-прежнему утверждает, что психоанализ – «наука о природе», «чем еще он может быть?» (Freud, 1940a [1938]). Почему? Потому что Фрейд определенно является «биологом», но уж точно не «нейропсихоаналитиком»! Мнестических следов, кажется, так говорится, существует больше, чем достаточно, и каждый момент функционирования органов чувств приносит нам еще больше («первичного материала»). Но вопрос не в материале, а в его использовании. И в этом вопросе его использования Фрейд будет постоянно мобилизовывать не центральную нервную систему, но более фундаментальные концепты живого (*биологии* в прямом смысле этого термина): потребности и инстинкты, определенные, доработанные и преобразованные во влечения и наконец в Оно. Именно они определяют «затронутость», именно в них находятся энергетические источники, которые количественно и качественно определяют инвестиции, которые будут направлены на восприятие и их следы. Другими словами, чтобы тот или иной фрагмент реальности, подобно записи в нейронные системы, стал репрезентацией, необходимо, чтобы он был инвестирован, и, если он инвестирован, это потому, что он приобретает качество «объекта» в метапсихологическом смысле слова, что означает «объекта влечения», поскольку именно из этого последнего в конечном счете исходит это инвестирование.

Таким образом, у Фрейда появляется второе возможное определение реальности: реальность, психически говоря, – это объект.

Из этого прочтения мы можем считать, что уже в «Проекте» ментальная репрезентация, элементарная частица системы, «аппарата», именно психического, довольно четко определена. Репрезентация, соединение восприятия и галлюцинации, является продуктом встречи центростремительного (восприятия) и центробежного (галлюцинация) движения, которое единственное позволяет инвестировать след, чтобы сделать его психическим фактом (Angelergues, 1995). Именно эту дуальность, я думаю, выражает и Винникотт на свойственном ему языке: объект является одновременно «найденным» (восприятие) и «созданным» (галлюцинация). Церебральные мнестические системы предлагают большое количество мнестических следов, более или менее адекватных их инвестированию в зависимости от переменной удовольствия/неудовольствия и способных вызвать галлюцинаторные эффекты. Но само по себе инвестирование не имеет ничего общего с мозгом, церебральные механизмы являются только поставщиками материалов и исполнителей, инвестирование

осуществляется по этой длинной цепи, идущей от потребности к желанию, и новый аппарат, таким образом созданный, весь целиком регулируется переменной удовольствие/неудовольствие. Не совсем существует оппозиция «принципа удовольствия» и «принципа реальности», как того, впрочем, иногда требует некоторая психоаналитическая Вульгата: «Замена принципа удовольствия принципом реальности означает не свержение принципа удовольствия, но только способ его обеспечения» (Freud, 1911b). Существует, с одной стороны, принцип суверенного удовольствия (как минимум до 1920 года), с другой – то, что восприятие и его продукты, актуальные и прошлые, способны, *или нет*, предоставить в его распоряжение.

Узнавание, игнорирование и знание реальности

Сама идея, что репрезентация нуждается в части галлюцинации, которая смешивается с изначальным перцептивным мнестическим следом, трансформирует ее, чтобы сформировать это новое образование, которое мы называем репрезентацией (схематически, вещи или слова), соединяется с другой идеей Фрейда, высказанной много раз: найти объект – это (также) снова его найти. Мы понимаем эту логическую цепь. Разрыв между репрезентацией и мнестическим следом измеряется степенью инвестирования этого мнестического следа; однако это инвестирование основано на степени сходства мнестического следа с предыдущими мнестическими следами, ставшими репрезентациями в связи с их переплетением с переменной удовольствия/неудовольствия. Отсюда следует такой вывод, выраженный просто: с точки зрения восприятия мы видим или слышим не только то, что можно увидеть или услышать, но то, что *мы согласны увидеть* или услышать; и именно поэтому найти – это снова найти. С этой точки зрения, то, что мы могли бы внести в операцию познания реальности, является отчасти *узнаванием*.

Однако эту галлюцинаторную часть, необходимую для любой репрезентации и для любого доступа к тому, что мы называем реальностью, следует понимать, учитывая два взаимосвязанных аспекта любой галлюцинации: ее положительную и ее негативную функции. Вкратце, суть заключается не только в том, чтобы увидеть или услышать то, что мы согласны увидеть или услышать (то, что точно присутствует или нет в восприятии), но также в том, чтобы не увидеть и не услышать того, что мы не хотим видеть или слышать, но которое тем не менее действительно существует. Самый простой ежедневный опыт подтверждает эту точку зрения. Когда мы обсуждаем с нашими близкими разговор, книгу или фильм, наши впечатления редко полностью совпадают, часто нас даже удивляет значительность наблюдаемых различий, иногда относящихся к аспектам обсуждаемого объекта, считающимся наиболее объективными (или, во всяком случае, объективируемыми): произошла ли та сцена до или после той? Говорится так или сяк? Слова героя были теми или иными? Однако речь идет о простых «подтверждениях реальности», которые легко проверить; тем не менее различия возникают постоянно. Потому что если

мнестический след, скорее всего, такой, какой он есть, и, вероятно, очень похож, даже идентичен для нейронных аппаратов в исправном состоянии и одного и того же вида, то галлюцинаторная часть сильно отличается у одного субъекта и у другого, так как она инвестирует след, исходя из предшествующих опытов удовлетворения, которые могут очень сильно различаться у разных людей. «Глаза души», согласно красивому выражению Жана-Клода Роллана (*Rolland, 2010*), не только видят то, что восприятие показывает не всем, но могут также не видеть то, что восприятие тем не менее обнаруживает прямо перед нашим носом.

Таким образом, еще одной составляющей знания реальности в действительности является *игнорирование*.

Мы могли бы задать себе следующий вопрос. Если, с одной стороны, любое объективное и полное знание реальности является по определению иллюзорным и если, с другой стороны, наше познание реальности сочетает узнавание и игнорирование, то не существует тогда ничего того, что, психически говоря, соответствовало бы «знанию» реальности?

Я думаю, что мы можем найти или вывести ответ на этот вопрос в мысли Фрейда, ясной мысли, потому что она прочно укоренена в нейрофизиологии, именно для того, чтобы иметь возможность ее покинуть, не заблудившись, и пойти в сторону метапсихологии.

Можно начать с самого начала: «Все репрезентации происходят из восприятий, они являются их повторением» (*Freud, 1925h*). Резкие утверждения, мало считающиеся с бесконечными трансформациями исходных перцептивных мнестических следов под тяжестью их инвестирования, их мутаций в репрезентации, их непрекращающихся перестановок и сочетаний на протяжении веков жизни и траекторий культурного формирования, их способности достигать высоких степеней сложности, спекулятивной абстракции и творческого обогащения... Но это основа – основа Фрейда, изначально нейрофизиолога, и он, кажется, держится за нее даже после нескольких десятилетий исключительно психоаналитических исследований. Что же тогда в восприятии и его продуктах может составлять «знание», если мы отбросим его узнавание и его игнорирование и если мы допустим, что оно не может быть ни полным, ни объективным?

Мне кажется, что эта реальность, ни узнанная (в смысле найденного объекта, следовательно, галлюцинаторного компонента), ни игнорируемая (в смысле негативной галлюцинации), совпадает с тем, что в реальности не формирует «объект» в смысле нашего движения влечения – тогда объектный объект, – *и одновременно* с тем, что не может быть проигнорировано; мы, так сказать, заинтересованы, хотя мы ничего не просили.

Однако Фрейд предоставляет много таких ситуаций. Он их раскрывает, когда изучает примитивный анимизм как ответ психики начала зарождения человечества в ответ на естественную среду. Анимизм как первое «мировоззрение» является также и самой первой психологической теорией (*Freud, 1912–1913a*). Он не только позволяет объяснять мир, но и придает смысл тому, как мир на нас влияет. Это способ, которым то, что не ожидалось, не планировалось и, соответственно, никак не инвестировалось, может быть принято как носитель воли, интенциональности,

с которыми нам приходится иметь дело. Мы знаем, что было бы неправильно думать, что такое понимание отныне находится позади нас, что оно касается прежде всего множества примеров анимизма и антропоморфизма, которые характеризуют эволюцию человеческого вида и которые, согласно Фрейдю, находятся как у истоков религий, так и любой метафизики. «Когда люди начали мыслить, они, как мы знаем, были вынуждены антропоморфично понимать внешний мир через множество личностей, сделанных по их подобию [...] Суеверие кажется совершенно неуместным только в нашем современном видении мира, согласующемся с естественными науками, но оно все еще не завершено» (Freud, 1901b).

Так ли мы отделились от этого анимизма нашего происхождения в нашей повседневной жизни, не говоря уже о нашем детстве или религиозных верованиях или других убеждениях, которые мы все еще сохраняем, будучи взрослыми? Когда мы ругаемся на тот или иной объект нашей созданной вселенной, когда он отказывается функционировать именно в тот момент, когда мы в этом нуждаемся? Когда дождь начинается именно в тот момент, когда мы вышли на прогулку? Когда светофор загорается красным именно в тот момент, когда мы спешим? «В тот самый момент»... Это потому, что все эти объекты, так сказать, внешнего мира никоим образом не стали бы для нас «объектами», чтобы быть обнаруженными, как и должно быть, в ненависти (Freud, 1915c), если бы у них не было намерения проявить свою «интенциональность», свое «желание», которое притесняет наши. Говорят, что де Клерамбо, легендарный главный врач специализированной клиники префектуры полиции Парижа, когда однажды ему позвонил один его знакомый, который предупредил его о том, что у пациента, поступившего накануне с бредом ревности, на самом деле была жена, которая ему изменяла, будто ответил: «Хвала небесам, месье, если бы было достаточно быть рогоносцем, дабы не быть бредящим». Хвала небесам, если бы было достаточно знать, что дождь – климатическое и универсальное явление, затрагивающее всех людей в его периметре, чтобы не ругаться на него, когда он обрушивается на нас в момент нашей прогулки.

В этих примерах, исходящих из глубин нашего общего анимизма, очевидно, что речь идет о реальности, которая требует быть инвестированной и требует считаться с ней как с объектом, в то время как ничто в нашем движении влечения не направляло нас специально к ней: если этой реальности – куску этой реальности – суждено стать объектом для нас, она не является, по крайней мере изначально, «объектом влечения». Скорее именно она та, кто нас инвестирует, в смысле, когда она влияет на наше существование, и этим фактом она вынуждает нас инвестировать ее. С этой точки зрения нашей психики она делает нас своим психическим объектом, так как, чтобы быть способным думать о ней и считаться с ней, мы наделяем ее влечением, аналогичным нашему, даже если это происходит путем одновременно анимистическим, антропоморфным или проективным. Идем дальше. Любой объект влечения может, *в свою очередь, воспринимать нас как объект* с того момента, как мы его инвестируем, либо потому, что он сам действительно наделяется собственным влечением

(встреча с другим), либо даже неожиданным образом, когда он вторгается в нашу жизнь без приглашения, либо еще как элемент этого мира, который в итоге мы будем квалифицировать как внешний. С того момента, как любой элемент реальности инвестирован либо по выбору, либо по необходимости, он, кажется, в свою очередь делает нас своим объектом даже помимо нашей воли, – ситуация, к которой мы призваны адаптироваться, если мы хотим разделить нашу жизнь с этим объектом или если мы просто не можем поступить иначе.

Такое положение дел охватывает ситуации чрезвычайного разнообразия. Прежде всего, конечно, объект любовных отношений, симметрично снабженный, как и мы, собственными влечениями, желаниями и ожиданиями в отношении нас: в таком случае как минимум нас предупреждают, что тем не менее не означает, что мы лучше к этому подготовлены. Но также объект, который репрезентирует, так сказать, внешняя реальность, наполненная препятствиями и ограничениями, которые влияют на нас при условии, что наши влечения соприкасаются с ними. Развитие наук и технологий позволяет нам отнести эту реальность к «объективной», что смягчает ее аффективное (и травматическое) воздействие, временно создавая у нас иллюзию возможного различия между «реальностью» и «объектом» в психоаналитическом смысле этого термина. Именно эта иллюзия рушится с малейшим нежелательным красным светом или с малейшим устройством обыденной жизни, ломающимся в неподходящий момент. И именно эта иллюзия так плохо «удаётся» психотическим пациентам, с которыми «говорит» вся реальность и которые объясняют нам, что вращающийся рекламный щит изменил отображаемое изображение именно в тот момент, когда они проходили перед ним, или что журналист, который говорил по радио, тут же намекнул на людей, живущих в одиночестве, именно в тот момент, когда они включили радиостанцию (*Kapsambelis, 2020*).

Мы могли бы здесь заметить, что это различие между реальностью и объектом в объектном смысле этого термина скорее является результатом научного и культурного развития человечества. Постепенно мы поняли, что природные явления, хотя и могут влиять на нас лично и в той степени, в которой они это делают, все же подчиняются законам, которые мы можем, возможно, открыть. К тому же мы поняли, что проявление этих природных явлений влияет на тех, кто не был специально выбран получателем. Также мы знаем, что мы развиваемся в искусственно созданной вселенной, чье функционирование подчиняется собственным законам – тем самым законам, которые позволили нам, открывая их, ее создать. Итак, в конечном счете вокруг нас существует целый мир. И мы можем вообразить, как наши предки, что этот мир «принимает нас как объект» (посылает нам то или иное сообщение, награждает или наказывает или требует того или иного), но мы не являемся тем не менее его конкретными получателями. Термином «реальность» нам удалось делибидинизировать наше инвестирование огромного мира объектов всех видов, который нас окружает. Те, кому не удастся этого сделать, подобно больным шизофренией, обречены на его дезинвестирование, но эта дезобъектализация скорее

является защитным следствием «сверхобъектализации», если можно так выразиться, захватывающей и переполняющей, нежели проявлением первичного движения и *sui generis* (своего рода) уходом. Больной шизофренией «может жить в общении со всем, что его окружает, но, увы, умеет только это...», как говорил Ракамье (*Racamier, Held, 1962, p. 705*).

Таким образом, мы приходим к третьему определению реальности согласно Фрейду. Это определение не может относиться к его работам, как предыдущие два, ввиду периметра исследования, который он ставил перед собой (я вернусь к этому в заключении), но оно, я считаю, может быть выведено из них. Оно сводится к одной относительно простой формулировке, возможно, слишком простой: с метапсихологической точки зрения *реальность – это желание другого*. Формулировка, которую мы можем раскрыть следующим образом:

– «желание» – это все, что, как нам кажется, выражает реальным, воображаемым или проецируемым способом интенциональность, которая обращается лично к нам или которая в любом случае влияет на траекторию нашего собственного выражения влечения, без приглашения и неожиданно. Очевидно, здесь существует прототип: это желание другого в любовных отношениях, другого человека в более общем смысле, и это оправдывает то, что мы можем заменить в этих ситуациях термин «объект» термином «другой». Но не то желание, которое мы разделяем с другим и которое встречается с нашим, потому что в данном случае другой является «узнанным», будучи тем, кого искали и кого ждали. Речь идет о том желании, которое нас воспринимает как объект в тот самый момент, когда другой становится «объектом» для нас, при этом мы совсем не просили некоторые аспекты этого желания и не ожидали их. Я думаю, это и есть то, что мы называем *инаковостью*; потому что иначе каким образом другой мог бы формировать инаковость, если реальность либо может быть узнана, либо игнорирована? Но это настолько же верно и для собственных ограничений в обязательствах, в компании, в деле, под которым мы решили подписаться и согласовать наши объектные инвестиции, например на этой вечерней встрече, хотя мы могли бы остаться дома в тепле... Это также верно и для особенностей, которые разные породы дерева навязывают столяру или скульптору, пытающемуся с ними работать, и которые различаются в зависимости от пород деревьев, их сухого характера или нет, их возраста и прочего («липа любит начинающего скульптора», «хвойные легче поддаются обработке»...). С психической точки зрения и абстрагируясь от всех вторичных функций, которые нам позволили разделить «объект» в объектном смысле и «реальность», любое сопротивление, любое препятствие в нашем движении влечения и даже любое неожиданное проявление этой реальности воспринимается и анализируется психическим аппаратом как «объект, воспринимающий нас объектом»;

– «другой» тогда означает объект без дифференциации человеческих объектов и нечеловеческих, живых объектов и безжизненных или даже абстрактных объектов (идеи, философии, религиозные верования...), потому что с того момента, как мы их выбираем, эти объекты нас тоже выбирают, включая неодушевленные объекты, которые имеют душу,

заставляющую нас любить, согласно стихам поэта, и включая ранее упомянутые мультиформные ограничения, которые связаны с этими объектами, ограничения, которых мы не сможем избежать под угрозой потери этих объектов. Несомненно, здесь существует элемент непонимания и даже риск неассимилируемого, что ясно подчеркнула Франсуаза Кобланс (*Coblance*, 2014, р. 1429–1437), перед лицом этого объекта, который оказывается не только объектом влечения и который тем не менее заставляет нас принимать его во внимание. Анимизм психопатологии обыденной жизни и метафизика особых случаев (хорошо известно, что пути Господни неисповедимы) в целом позволяют нам из этого выйти, но ситуация содержит травматический потенциал, который является тем самым, который изучается, когда речь идет о «невытесненном несознательном»;

– и наконец, эта реальность, в качестве «желания другого», имеет больше шансов быть воспринятой как «реальность», если то, что она выражает как «желание» – то, что мы приписываем ей как таковой, все антропоморфизмы, все метафорические или метафизические языки, вместе взятые, – кажется, противоречит нашему собственному желанию; отсюда утверждение, что объект рождается в ненависти, потому что именно из разрыва между тем, что мы от него ожидаем, и тем, что мы в конечном итоге находим, выходит эта разница, которую Винникотт (*Winnicott*, 1971) выражает в терминах «субъективный объект» и «объективно воспринимаемый объект».

Слово в заключение. Фрейд – ученый конца XIX века, периода триумфа в изучении внутренних свойств организма, периода рождения физиологии, а в неврологии – специфических для мозга механизмов. Он придерживается эпистемологического требования того времени: конструировать экспериментальное поле в отношении только одной монады, пытаться определить и формализовать на уровне ее внутренних механизмов максимальное количество фактов и феноменов, влияющих на нее. Логично, что тогда его интересует объект только как объект влечения, а восприятие как функция занимает периферическое место в его размышлении, как в прямом, так и в переносном смысле. Но он об этом знает; он только хочет «интернализировать» его присутствие, что означает, что он старается перевести во внутренние для организма термины то, что восприятие, реальность и объект навязывают монаде в качестве работы. Я думаю, что разработки по повороту влечения в противоположное или возврату на самого себя содержат в себе интуицию трансформаций влечения при соприкосновении с движением влечения, исходящим от объекта, выбирающим нас в качестве объекта; мы, конечно, можем найти и другие феномены в работах Фрейда. Более того, принятие во внимание объекта в постфрейдистском психоанализе привело ко множеству теоретизаций: «взаимодействиям», сомнительному различию внутренних объект – внешний объект, а теперь еще более сомнительной intersубъективности. Но прежде чем решиться на такое отдаление от эпистемологической основы метapsихологии, давайте уже попробуем формализовать это простое наблюдение на уровне монады, заключающееся в том, что объект влечения делает нас объектом влечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Angelergues R.* (1995). Les paradoxes du « complexe » hallucination-perception: réflexions à bâtons rompus, *Revue française de psychanalyse* 59(2): 455–472. Reproduit dans Angelergues R. *Textes fondateurs. La symbiose: biologie et psychanalyse du travail psychique*: 141–162. Paris, Éditions In Press, 2015.
2. *Coblence F.* (2014). D'un reste inassimilable, *Revue française de psychanalyse* 78(5). P. 1429–1437.
3. *Freud S.* (1899a). Des souvenirs-couverture OCF.P, III. Paris, Puf, 1989. P. 276.
4. *Freud S.* (1901b). Sur la psychopathologie de la vie quotidienne: de l'oubli comme méprise, de la méprise de parole, de la méprise du geste, de la superstition et de l'erreur. OCF.P, V. Paris, Puf, 2012. P. 366.
5. *Freud S.* (1911b) Formulations sur les deux principes de l'advenir psychique. OCF.P., XI. Paris, Puf, 1998. P. 18.
6. *Freud S.* (1912–1913a). Totem et tabou: quelques concordances dans la vie d'âme des sauvages et des névrosés. OCF.P, XI. Paris, Puf, 1998. P. 286.
7. *Freud S.* (1915c). Pulsions et destins de pulsion. OCF.P, XIII. Paris, Puf, 1988.
8. *Freud S.* (1923b). Le Moi et le ça. OCF.P, XVI. Paris, Puf, 1991.
9. *Freud S.* (1925h). La negation. OCF.P, XVII. Paris, Puf, 1992. P. 169.
10. *Freud S.* (1925a). Note sur le «Bloc magique». OCF.P, XVII. Paris, Puf, 1992. P. 140.
11. *Freud S.* (1940a [1938]). Abrégé de psychanalyse. OCF.P, XX. Paris, Puf, 2010. P. 311.
12. *Freud S.* (1940b [1938]). Some elementary lessons in psychoanalysis. OCF.P, XX. Paris, Puf, 2010. P. 294.
13. *Freud S.* (1950c [1895]). Projet d'une psychologie, *Lettres à Wilhelm Fliess: 1887–1904*. Paris, Puf, 2006. P. 264.
14. *Freud S.* (1925h). La negation. OCF.P, XVII. Paris, Puf, 1992, P. 169.
15. *Kapsambelis V.* (2020). Le schizophrène en mal d'objet. Paris, Puf.
16. *Racamier P.-C., Held R.* (1962). Propos sur la réalité dans la théorie psychanalytique. *Revue française de psychanalyse*. 26(6). P. 705.
17. *Rolland J.-C.* (2010). *Les Yeux de l'âme*. Paris, Gallimard.
18. *Winnicott D.W.* (1971). Jeu et réalité. L'espace potentiel. Paris, Gallimard, 1975. P. 56.

Reality, between neurophysiology and metapsychology

Vassilis Kapsambelis

*Translation from French and scientific
editing: Stukalo A. V.*

Vassilis Kapsambelis, psychiatrist, psychoanalyst, titular member of the Paris Psychoanalytic Society, ex-director general of the Association of Mental Health of the 13th arrondissement of Paris, ex-director of the Center of Psychoanalysis and Psychotherapy by Evelyn and Jean Kestemberg, and editor-in-chief of « La Revue Française de Psychanalyse», author of numerous works, including on psychotic and borderline functioning.

In this article, the author profoundly explores the concept of reality in a metapsychological sense, based on a consistent and elegant analysis of this concept in the works of Freud, originally a neurophysiologist, and defines reality as a perceptual activity and its products, the object and, finally, the desire of the Other.

Keywords: reality, mnestic trace, perception, hallucination, representation, mental apparatus, object of desire, animism, intentionality, desire of the Other.